

Почему мы ссоримся из-за слов?

Ежедневно на страницах форумов, социальных сетей и в живом общении разгораются «священные войны» по поводу того, как говорить правильно и как — ни в коем случае нельзя. Составляются «расстрельные списки» и рейтинги невыносимо раздражающих слов, люди делят собеседников на «своих» и «чужих» в зависимости от их лексических предпочтений. А порой мы готовы обвинить тех, кто употребляет слова не так, как мы привыкли считать правильным, в том, что наши оппоненты не только бескультурны и не уважают язык, но и вообще «неправильно думают о жизни». Известный ученый-лингвист Ирина Левонтина убеждена: у каждого слова и каждого человека своя отдельная история знакомства и отношений.

Ирина Борисовна Левонтина — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, популяризатор лингвистики, специалист по судебной лингвистической экспертизе. Автор книги «Русский со словарем», в 2011 году ставшей финалистом премии «Просветитель», колумнист газеты «Троицкий вариант — Наука». Эксперт фонда «Эволюция».

«Почему мы ссоримся из-за слов, на самом деле, понятно. Дело в том, что мы буквально вместе с жизнью усваиваем родной язык. И то, что из него узнаём, зачастую не отличаем от того, что знаем про жизнь — с одной стороны. С другой — родная речь тесно взаимосвязана с самоидентификацией человека, — объясняет И. Левонтина. — Поэтому всё, касающееся языка, для нас весьма травматично: мы болезненно реагируем, сталкиваясь с чем-то незнакомым или не успевая за изменениями в языке. Особенно это характерно для нашей культуры, лингвоцентричной по своей сути. Так сложилось исторически, что формирование современного русского литературного языка совпало с усвоением концепции национального характера. В результате представление о специфичности и непереводаемости русских слов оказалось в отечественной культуре неотделимо от идеи о неповторимости и непознаваемости русской души».

Ирина Левонтина

Современная ситуация, когда благодаря интернету можно наблюдать все языковые тенденции в режиме реального времени, представляет раздолье для лингвистов. Распространенное мнение, что в прошлом изменений в словоупотреблении в таком количестве не было, не совсем верно — просто раньше их было труднее отследить, поскольку каждый специалист слышал только то, что говорит узкий круг людей вокруг него, а сейчас перед исследователями полная картина: кто, что, где и когда говорит.

Первые среди гадких

Сейчас очень популярен жанр составления «расстрельных списков» слов. Очень часто в беседе, абсолютно спонтанно, люди, зацепившись за какое-то выражение, начинают обсуждать: «А вот меня такие слова раздражают, а какие вас?» И собеседники взахлеб перечисляют: «красава», «вынос мозга», «пасиб» вместо «спасибо», «ай, молодца», «личка» вместо «личное сообщение», «как-то так», «я тебя наберу», «улыбнуло», «озвучьте ваше предложение» и так далее. И начинается! «Ненавижу, когда говорят ...», «Это слово — №1 по гадкости», — «Ой, а я говорю “на связи”, неужели это так бесит?»

На первый взгляд кажется, что абсолютно невозможно понять, кого что раздражает, но в действительности в этом видны какие-то закономерности. Если прочитать достаточное количество подобных сетевых дискуссий, то можно классифицировать те единицы, которые особенно неприятны.

Во-первых, людей очень раздражает бессмысленное балагурство. Например, ответы в рифму: «Точно?» — «Сочно!», «Ладно» — «Прохладно!» и тому подобное.

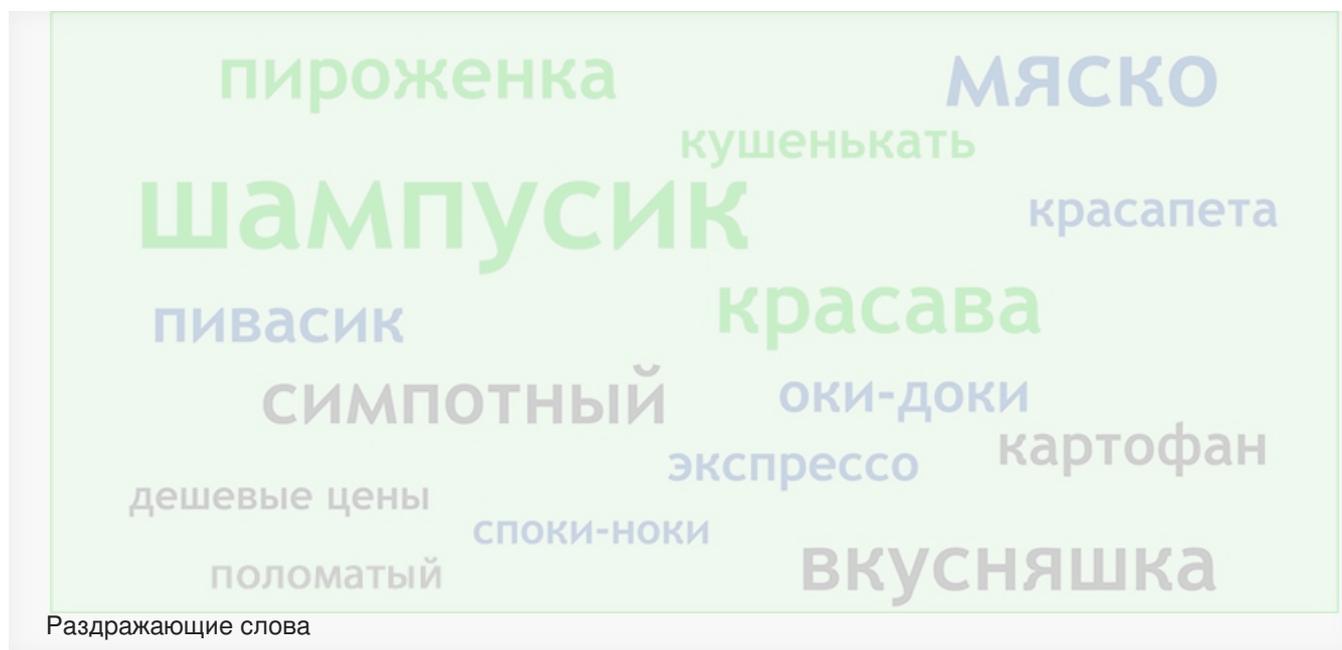
Во-вторых, прибаутки типа «на вкус и цвет фломастеры разные» и тому подобные интернет-мемы: только появившись, они очень смешат, а потом становятся невыносимы от чрезмерного повторения.

В-третьих, страшно бесит всевозможная уменьшительность и ласкательность: «печенька», «зая», «к вам подскочит мой человечек», «покусики», «чмоки-чмоки», «вкусняшки». Многие люди с отвращением цитируют «креативный человечек» и провозглашают: «Смерть человечкам!» Настоящую ярость вызывает и коверканье слов на детский манер: «позязя» вместо «пожалуйста», «мафынка», «холёсенский».

Еще в последнее время стало модно ужасаться так называемому «мамскому сленгу»: «годовасикам», «пузожителем», «овуляшкам» и так далее. Журналистка Ксения Туркова даже написала колонку «О пихулечках и покакусиках. Мозг, опьянённый материнской любовью, способен выдавать умопомрачительные неологизмы». Конечно, эти слова реже попадают в поле нашего зрения, потому что мы не сидим на таких форумах, но если встречаются, раздражают безумно.

Наконец, очень часто коробит то, что имеет какую-то неприятную социальную окраску. Например, «красава» — весьма вульгарное слово: легко представить себе типаж, который может так сказать. Выражение «вкусный текст», также вызывающее истерики, или «история про» — связываются с журналистским жаргоном не самого высокого пошиба. А фраза «я вас услышал» имеет вполне определенный характер и ассоциируется с каким-нибудь тренингом личностного роста или, на худой конец, курсом повышения квалификации для менеджеров. То, что имеет социальную окраску, в других группах может вызывать неприятие. В свое время лингвисты придумали забавное сочетание стилистических примет: «газетн. — интимн.» для выражений типа «дружить с бутылкой». Действительно, у этого сочетания сложная стилистическая окраска: это журналистский штамп, но особый, не для серьезной статьи, а для живенького фельетончика. Специфический оттенок многих подобных выражений вызывает неприятие.

А слово-лидер, которое чаще всех побеждает в выборах главного по гадкости — это «шампусик», что неудивительно, так как в нем сочетаются и неприятная уменьшительность, и социальная окраска.

Хуже мата

Как-то в интервью Ксению Собчак спросили об использовании мата, и она ответила: «Ну что, мол, мат — это ерунда. Вот когда говорят: иду за молочкой — вот это действительно ужас!»

«И правда, “молочка” большинству кажется очень неприятным словом, — соглашается Ирина Левонтина. — И даже довольно легко объяснить, в чем тут дело. Существуют определенные номенклатурные наименования: моющие средства, молочные продукты — в живой речи они обычно не употребляются, и если кто-нибудь говорит «Я иду в магазин, мне надо купить моющие средства» не иронически, то это воспринимается как неадекватная речь. А когда к этим наименованиям еще и присоединяется фамильярный суффикс -ка, сочетание номенклатурности со свойскостью раздражает вдвойне, поэтому вполне предсказуемо, что “молочка” вызывает негативные чувства. Кстати, модель на -ка сейчас очень активизировалась: “социалка”, “гуманитарка”, уже упомянутая “личка” и из последнего — “запрещенка” и “санкционка”».

Любопытно, что за многими выражениями социальный портрет спикера проступает весьма ярко. Есть такое словоупотребление, очень раздражающее интеллигентных людей — использование «крайний» в значении

«последний». Русский язык в отличие от английского не различает last и latest. Слово же «крайний» всегда присутствовало в жаргоне представителей опасных профессий — крайний полет у пилотов, крайний поход у альпинистов — как выражение суеверного опасения, что, если мероприятие назвать последним, оно может таковым оказаться на самом деле. Недавно же это слово вышло из узкой специальной ниши и вошло в моду у людей, никакого отношения к экстремальной деятельности не имеющих: когда офисный работник говорит, что он крайний раз был, к примеру, в ночном клубе, это вызывает вполне понятное раздражение.

Лев Горин, журналист, пишет: «Писатель Прилепин употребляет в блоге слово «крайний» в значении «последний» — крайний номер. Всего ожидал, но не этого. Это хуже любой ДНР, вот честно». То есть подобное употребление вызывает почти физиологическую реакцию.

Надо сказать, что такие эвфемизмы по суеверным соображениям встречаются в языке не так уж редко. Например, знаменитое «присаживайтесь» вместо «садитесь», берущее начало из сленга зоны и подразумевающее стандартный ответ «сесть я всегда успею». Предполагается, что, говоря «садитесь», можно накаркать. Особенно смешно, когда телеведущие в какой-нибудь передаче, пытаясь быть изысканными, говорят своим гостям «присаживайтесь» — абсолютно не понимая и не чувствуя этого контекста.

Еще одна подобная формула используется вахтерами в вопросе «Вы далеко?». «Меня всегда это жутко раздражало, казалось хамством, — говорит Ирина Левонтина, — а потом я узнала, что есть народная примета: «не кудакай — пути не будет». То есть, спрашивая, куда человек идет, можно сглазить его предприятие, и вахтер желает вам только хорошего, и этим на первый взгляд грубым вопросом старается не помешать вашему важному делу. Поэтому, очень часто, когда мы больше узнаём о языковых единицах, они меньше нас раздражают, так как мы понимаем, в чем тут дело».

Лингвистический радикализм

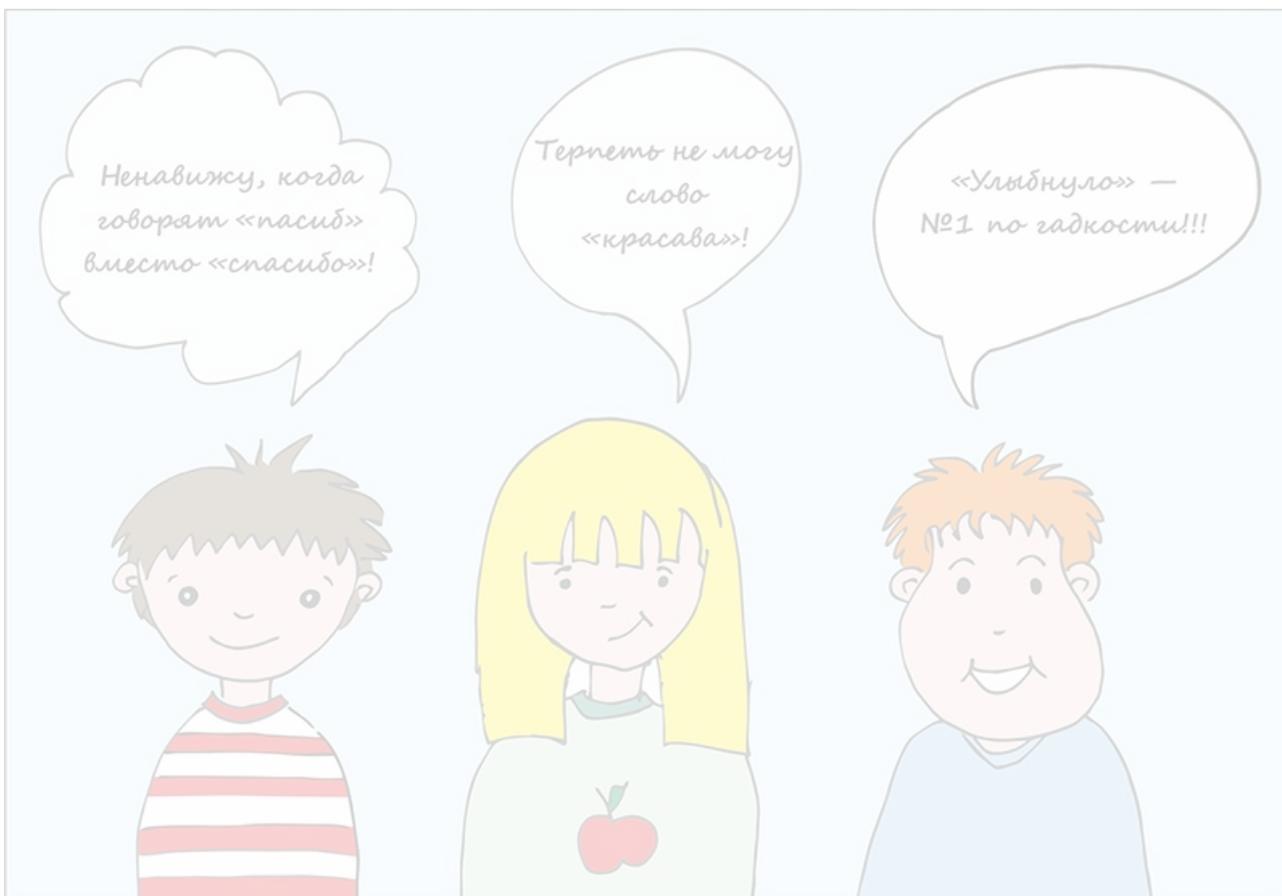
Отдельного упоминания заслуживают так называемые Grammar Nazi (грамматические нацисты, интернет-мем, ироническое название и самоназвание интернет-сообществ, отличающихся крайне педантичным отношением к вопросам грамотности. — Прим. ред.), люди, которых приводит в состояние полной истерики неграмотная речь, ошибки и опечатки. Тут, впрочем, надо оговориться: часто люди начинают раздражаться, еще не успев разобраться.

Недавно в Facebook`е состоялась ожесточенная дискуссия по поводу написания бриошь/бриош (от фр. *une brioché* — сладкая булка из сдобного теста. — Прим. ред.). По выражению одной из пользовательниц, вариант без мягкого знака вызывает «кровь из глаз», его просто невозможно видеть. Это мнение поддержали очень многие участники обсуждения — публика, между прочим, культурная и образованная — с ними согласен и Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова: «бриошь» — слово женского рода, как и во французском языке.

Тем не менее довольно часто встречается и написание без «ь», в мужском роде, причем это не веяние последнего времени: например, в кулинарном бестселлере XIX века — поваренной книге Елены Молоховец — есть рецепт, как приготовить английский бриош. «Когда я спросила участников дискуссии — как вы скажете: кофе с бриошью или кофе с бриошем? — они безоговорочно выбрали второй вариант, — рассказывает И. Левонтина. — Тогда какие могут быть претензии к отсутствию мягкого знака? Поэтому подобные нападки часто связаны с недостатком понимания, и прежде чем начинать дискуссии в стиле «кровь из глаз», стоит разобраться: может быть, всё не так ужасно».

Конечно, встречаются и действительно безграмотные написания, над которыми люди вполне справедливо издеваются. Впечатляющая коллекция таких ляпов собрана в популярной интернет-публикации Натальи Белюшиной под названием «Торжество абырвалга». В частности, приводится такой пример: «Мне один раз девушка смс написала. Никогда его не забуду. Оно было на двух страницах. Первая выглядела так: «Извини, я тебе попозже напишу, у меня папа умер, сейчас едим его...». А вторая: «...забирать из морга». Повезло, что финал не потерялся», — справедливо отмечает автор.

Есть в интернете и еще одна публикация — «Слова, за которые хочется нанести телесные повреждения». Показательно, что люди реагируют на какие-то языковые неправильности именно в такой агрессивной форме: за их употребление предлагается убить, расстрелять и так далее.

Иной раз непонятно, где автор этой подборки умудрился услышать то или иное слово, например, «колидор» или «земеля» по отношению к земляку — надо еще поискать такое в живом употреблении.

Опальные провинциалы

Поразительно и отвращение большей части культурной публики к регионализмам. Когда в интернете был опубликован список некоторых региональных слов типа «вехотки», «мультифоры» и тому подобных, к нему тут же появился комментарий профессора одного из университетов: «Невероятная гадость!». И это очень типичная реакция. А какой шум поднялся недавно из-за слов «ссобойка» (то, что берут перекусить с собой на работу) и «тормозок» (шахтерский завтрак)! Интеллигентные люди бились в истерике и писали про «кровь из глаз».

В своей книге «О чем речь» Ирина Левонтина отмечает, что в настоящее время в среде интеллигентных людей все виды ксенофобии считаются позорными. И лишь лингвистическая её разновидность в определенной степени даже почетна.

«Так сложилось исторически, что отношение к регионализмам в русском языке носит тоталитарный характер, — говорит И. Левонтина. — Считается, что литературный язык — это то, как говорят столичные дикторы в Москве и, отчасти, в Санкт-Петербурге, а всё остальное — диалекты, некультурное и неправильное словоупотребление. Мне кажется важным дело социолингвиста Владимира Ивановича Беликова (МГУ), который пытается донести до нашего общества мысль, что бывают региональные разновидности литературного языка и то, как говорят образованные интеллигентные люди не в Москве — это не диалект. Русский язык в силу географии нашей страны не может быть одинаковым везде, но представление об этом пока еще не укрепилось даже среди лингвистов: в работе над словарями нам с трудом удалось добиться введения пометки «региональное», но я надеюсь, что со временем негативное восприятие подобных слов уйдет».

Нельзя отрицать: ксенофобия, инстинктивное неприятие чего-то чуждого — в природе человека. Но неправильно, когда люди настолько абсолютизируют собственные языковые обыкновения и пишут, что у тех, кто употребляет слово «холёсенький», нету мозга, слуха, уха и так далее. Вспомнить хотя бы А.С. Пушкина: «Пишешь ли ты, мой собрат — напишешь ли мне, мой холосенький» (из письма П.Б. Мансурову).

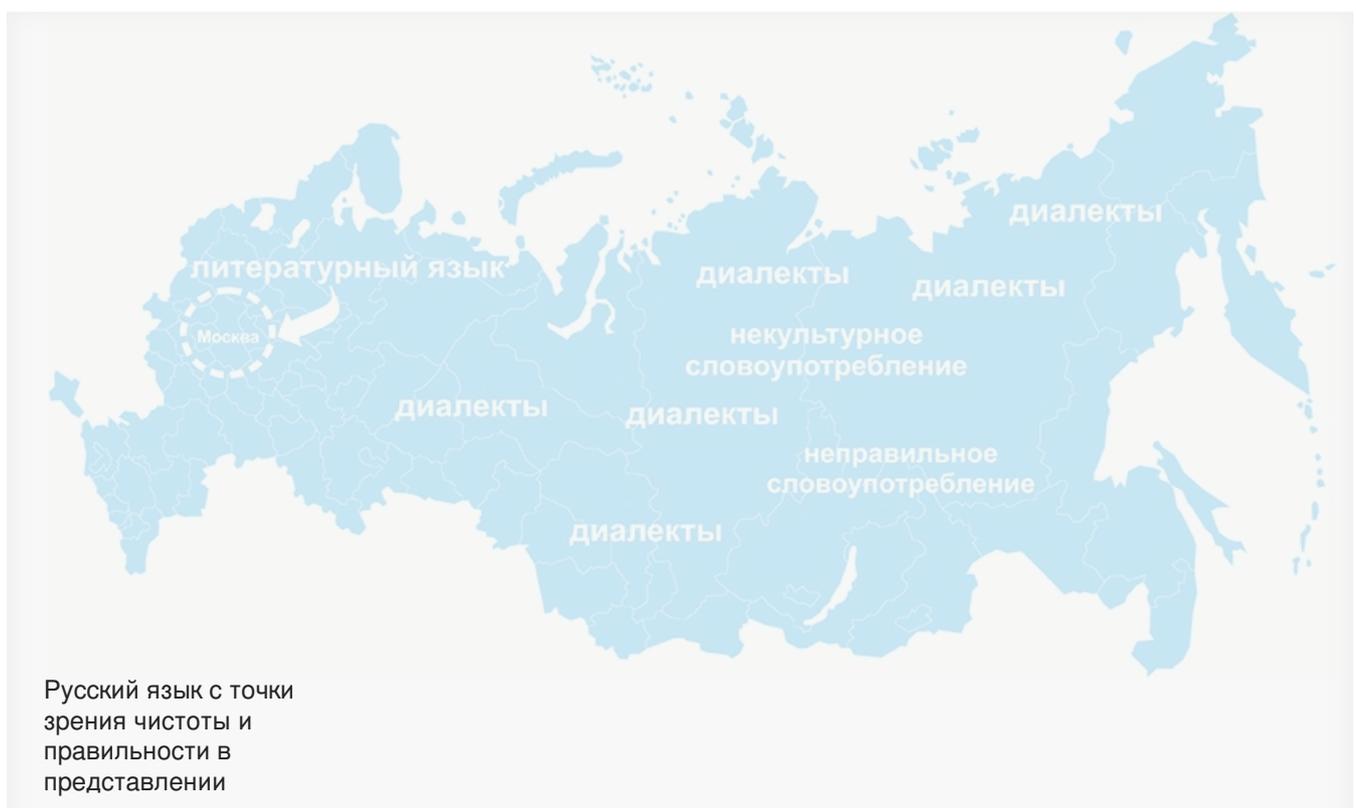
История любви

Когда мы знакомимся с новым человеком, у нас складываются определенные с ним отношения. Точно также происходит и со словами: если мы их узнаем в приятных обстоятельствах, от симпатичных нам людей, выражения эти кажутся нам чудесными, милыми и интеллигентными. Если же человек нам неприятен, мы переносим эти чувства и на то, что услышали от него.

«Например, выражение “ровно то” в значении “точно, в точности”, у многих людей вызывает раздражение, а у нас, лингвистов, вызывает нежность, потому что мы-то знаем, откуда оно взялось, — улыбается Ирина. — Когда лингвистика решила стать точной наукой, и языковеды начали изучать математику, из неё они подхватили “ровно” = “точно”. Так говорили и Б.А. Успенский, и А.А. Зализняк, потому мы, признавая некорректность этого выражения и стараясь им не злоупотреблять, трепетно храним его в чуланчике своего лексикона».

Люди разных возрастов питают слабость к тем жаргонным словам, которые были в моде в дни их юности. И тут можно проследить, как меняются подобные слова в разных поколениях: «клёвый», «законный», «мировой», «зыкенский», «классный», «крутой». В эпоху интернета наблюдается новая серия, которая формируется прямо на наших глазах, потому что цикл смены очень ускорился. Появилось слово «гламурный», потом «готичный» — сначала они означали разное, но в какой-то момент слились. Затем возникло «эпичный», у которого изначально было множество дополнительных оттенков, но эти подробности со временем выхолащиваются, и остается главное — положительная оценка, и, наконец, последнее в серии — «огонь», которого не было в употреблении еще три года назад.

В свете эволюции смысла лексемы интересен следующий пример. Сейчас очень активизировались два синонима слова «задержать» (в полицейском смысле) — «винтить» и «принимать». Они примечательны тем, что представляют разные стороны баррикад: первое — слово не новое, возникшее еще в сленге хиппи, а второе — напротив, родом из жаргона силовых структур. Поразительно, что слова обозначают вроде бы одно и то же действие, но совершенно четко локализованы по точке зрения говорящего, чью сторону он если не представляет, то разделяет. Примечательно, что от старого «винтить» недавно образовалось новое «винтиться», означающее, что человек немножко нарываётся на рожон: «Надо идти с плакатами, винтиться» или «Мне сегодня нельзя винтиться, у меня вечером доклад». За этим словом очень ясно возникает облик говорящего.

Без вины виноватые

Очень часто бывает, что люди просто усваивают, что определенное выражение — «фи». Например, это касается одного из самых несчастных слов русского языка — «волнительный», которое ошибочно считают комсомольским новообразованием 1980-х годов. Но возникло оно намного раньше, в моду его ввели актеры труппы Станиславского, и долгое время в нем ощущалось нечто театральное. «Волнительный» входит в дежурный набор шероховатостей, которые интеллигентному человеку положено не любить, наравне со «звонит», «ложить», «как бы» и так далее.

Часто думают, что нормальность и ненормальность слова — это перманентное свойство, коренящееся в его структуре. На самом же деле у каждой лексической единицы — свои пути вхождения в язык, своя история жизни, окраска, которая может меняться либо же оставаться неизменной. Нам говорят, что «волнующий» — это правильно, а «волнительный» — нет. «Как мне кажется, вполне понятно, почему понадобилось это слово, — поясняет Ирина Левонтина. — «правильный» вариант предполагает слишком широкий спектр эмоций (например, полет в космос — это волнующее событие), а «неправильный» подчеркивает более частный характер переживаний между людьми. Но судьба этого слова печальна, оно долгое время сохраняло актерский налет, который со временем стерся, но определенный оттенок жеманства никуда не делся, и от клейма нежелательного выражения «волнительному» не удастся избавиться».

Вспомним и печальную историю, которая произошла со словом «сосули». Большинство граждан узнали его от Валентины Матвиенко. Это был ужасный год для Петербурга: сугробы начинались прямо от Дворцовой площади, с крыш срывались глыбы льда, под колесами взбесившегося снегоочистителя погибла женщина — просто чудовищная зима. И вот появляется Валентина Ивановна — с прической, холеная, в шубе и бриллиантах и говорит: «Будем бороться с сосулями при помощи лазера». И так сложилось, что негатив от внешних обстоятельств перешел на слова политика, и гнев пользовательский обрушился на ни в чем не повинную лексику: в сети появилось огромное количество шуток, обсуждений, картинок. Особенно популярным стало стихотворение Павла Шапчица:

Срезают лазером сосули,
В лицо впиваются снежины.
До остановки добегу ли,
В снегу не утопив ботины?

А дома ждет меня тарела,
Тарела гречи с белой булой;
В ногах — резиновая грела,
И тапы мягкие под стулом.

В железной бане — две селёды,
Торчат оттуда ложа с вилой.
Есть рюма и бутылка с водой,
Она обед мой завершила.

Я в кружу положу завары,
Раскрою «Кобзаря» Шевчену —
Поэта уровня Петрары
И Валентины Матвиены.

В этих стихах всё подчинено тому, чтобы высмеять сосули — хотя вообще-то это нормальное устаревшее слово: оно встречается в текстах у Андрея Белого, Василия Белова, Бориса Шергина, но, к сожалению, Валентина Ивановна его глубоко и надолго скомпрометировала. А таким ли было бы наше отношение к несчастным сосулям, узнай мы их, например, от Набокова?

«Песком, будто рыжей корицей, усыпан был ледок, облепивший ступени крыльца, а с выступа крыши, остриями вниз, свисали толстые сосули, сквозящие зеленоватой синевой. Сугробы подступали к самым окнам флигеля, плотно держали в морозных тисках оглушенное деревянное строенье» (В. Набоков, «Рождество»).

Наверняка бы мы сказали: «Какое милое, трогательное, старомодное слово!»

Пути слов очень сложны. Мы привыкли судить о них с точки зрения правильно — неправильно. И если они кажутся нам непривычным, раздражаемся. В действительности, хорошо бы, заметив какое-то нестандартное словоупотребление, сначала разобраться, с чем оно связано и что из него можно понять о языке и о человеке.

Лекция Ирины Левонтиной «Почему мы ссоримся из-за слов?» состоялась в рамках IV Конференции Тотального диктанта, посвященной вопросам популяризации, развития и изучения русского языка.

Записала Елена Трухина

Фото и иллюстрации автора (1, 2, 4) и Юлии Поздняковой (3)

Автор: Алиса Канарис © Babr24.com Источник: "Наука в Сибири" НАУКА И ТЕХНИКА, ОБЩЕСТВО, МИР
👁 12516 17.02.2016, 19:33 🔄 1590

URL: <https://babr24.com/?ADE=142673> Bytes: 21197 / 19945 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Алиса Канарис**,
обозреватель.

На сайте опубликовано **420**
текстов этого автора.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)